ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2021.04.09

М.А. Фельдман

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (современные подходы)¹

***Аннотация.** Рациональному размещению производительных сил в СССР придавалось особое значение: оно должно было стать дополнительным источником повышения темпов социалистического строительства и помочь догнать и перегнать капиталистический Запад. Но конкретные условия второй пятилетки внесли изменения в идеальную схему размещения производительных сил: реальная картина распределения капиталовложений во многом складывалась в силу инерционных процессов размещения производительных сил; была рассчитана для удобства государственных ведомств в деле наращивания индустриального потенциала в центре страны; зависела от наличия квалифицированных кадров.*

К началу второй пятилетки советское руководство располагало иным, чем в конце 1920-х годов, опытом управления экономикой. Катастрофическое положение в экономике к осени 1932 г. было признано всеми членами Политбюро, включая Сталина, знавшими об истинном положении с производительностью труда и качеством продукции; о порче и омертвлении огромных ресурсов в незавершенных стройках и бесполезных импортных заказах.

Показательны в этом отношении резолюции первой всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР во второй пятилетке. Признание того, что «территория СССР к настоящему моменту еще очень слабо изучена в геологическом отношении», а «выявленные запасы лишены должного изучения химических и технологических свойств полезных ископаемых», фактически возвращало к необходимости использования индикативных показателей роста. В духе документов первого пятилетнего плана звучал призыв к развитию специализации и кооперирования в рамках экономических связей между предприятиями. Полигоном специализации и кооперирования должен был стать Урало-Кузбасский комбинат (УКК).

Вместе с тем жестко централизованный, ведомственный характер управления экономикой, диктующий формирование хозяйственных связей регионов по отраслевому признаку, привел к тому, что фактически сетка крупных экономических районов предназначалась только для первоначального предварительного планирования. Урало-Кузбасс, запланированный как система сложного межрайонного со-

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-09-43024 «Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат».

трудничества, в реальной жизни функционировал в формате управляемого сверху обмена углем и рудой между Уралом и Кузнецким бассейном.

Ключевые слова: размещение; пространство; промышленность; регионы; планы; территория.

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Россия, Екатеринбург.

Email: feldman-mih@yandex.ru

Scopus AuthorID: 36349821300;

Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

Feldman M.A. The second five-year plan: the problem of spatial distribution of industry (modern approaches)

Annotation. The rational allocation of productive forces in the USSR was given special importance: it was supposed to increase the pace of socialist construction and help catch up and overtake the capitalist West. However, the specific conditions of the Second Five-Year Plan made changes to the ideal scheme for the allocation of productive forces: the real picture of the distribution of capital investments was formed mainly due to the inertial processes of the allocation of productive forces; the convenience for government departments of building up industrial potential in the center of the country; the availability of qualified personnel.

By the beginning of the Second Five-Year Plan, the Soviet leadership had a different experience managing the economy than at the end of the 1920s. By the autumn of 1932, the catastrophic situation in the economy was recognized by all members of the Politburo, including Stalin, who knew about the true situation with labor productivity and product quality; about the damage and deadening of huge resources in unfinished construction projects and useless import orders.

The resolutions of the First All-Union Conference on the Deployment of the Productive Forces of the USSR in the Second Five-Year Plan are indicative in this regard. The recognition that «the territory of the USSR is still very poorly studied geologically» and «the identified reserves are deprived of proper study of the chemical and technological properties of minerals» returned to the need to use indicative growth indicators. In the spirit of the documents of the First Five-Year Plan, there was a call for the development of specialization and cooperation within the framework of economic relations between enterprises. The Ural-Kuzbass Industrial Combine was to become a training ground for specialization and cooperation.

At the same time, the rigidly centralized, departmental nature of economic management, which dictates the formation of economic ties of regions on an industry basis, led to the grid of large economic regions is intended only for initial preliminary planning. In real life, Ural-Kuzbass planned as a system of complex inter-district cooperation functioned in the format of a top-controlled exchange of coal and ore between the Urals and the Kuznetsk Basin.

Keywords: *location; space; industry; regions; plans; territory.*

Feldman Mikhail Arkadevich – doctor of history, Professor,
Ural Institute of management is a branch of the presidential
Academy of the national economy and public administration.
Russia, Yekaterinburg.
Email: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287-2020

Общепринятая парадигма размещения производительных сил, способствовавшая пониманию процессов размещения производства сформировалась в мировой экономической науке на рубеже 1920–1930-х годов в трудах В. Кристаллера и его учеников. Парадигма трактовала размещение производительных сил, в частности отдельных предприятий, с микроэкономических, «точечных» позиций, а выбор конкретного оптимального местоположения предприятия связывался с ориентацией его на минимизацию затрат, которые определяли три основных фактора – транспортный, трудовой и агломерационный.

Исследователи приходили к выводу о том, что при соотношении *территориальной организации промышленности и пространственного размещения промышленности* первое понятие шире и ее основными формами являются промышленные районы, комплексы и узлы [Бакланов 2012, с. 32].

Советский вариант теории пространственного размещения промышленности отталкивался от понимания задач централизованной плановой экономики, с возрастающей абсолютизацией процессов управления. Последние включали экономическое районирование, разработку и реализацию Генеральных схем развития и размещения производительных сил, районные планировки, территориальное планирование и управление. Эти сюжеты были рассмотрены в трудах Н.Н. Колосовского. Для советского теоретика территориальной организации экономики было очевидно, что пространственное размещение промышленности (в рамках районной теории) предполагает «не только вертикальное и горизонтальное комбинирование, но и говорит о пространственном сочетании производительных сил» [Колосовский 1929, с. 26].

В силу этого обстоятельства, по мнению Колосовского, связующими элементами районного комбинирования являются электрификация и внутренний транспорт. Электрификация позволяет преодолевать пространства для объединения электроснабжения. Внутренний транспорт дает возможность организовать взаимный обмен сырьем, топливом, полуфабрикатами. За центральными органами управления должны остаться руководство межрайонными отношениями через структуры планирования, руководство транспор-

том, связью; разработка нормативной базы; контрольно-надзорные функции [Колосовский 1929, с. 24, 26]. В работе Н.Н. Колосовского 1929 г. управленческий аспект проблемы пространственного размещения промышленности понимался в формате сочетания централизованного управления и широкой экономической автономии на местах. Однако к началу 1930-х годов в трудах Колосовского проблема управленческого функционала в регионах постепенно сужается до узкого круга задач [Колосовский 1932].

«Второй пятилетний план, продолжая начатое в первой пятилетке новое развитие производительных сил, намечал движение промышленности на Восток, приближение к источникам сырья и более равномерное размещение ее по всей территории СССР», – комментировал в 1934 г. выход в свет двух томов второго пятилетнего плана известный советский исследователь И.А. Гладков [Гладков 1934].

Эти оценки мало изменились и спустя 40 с лишним лет. Коллектив авторов под руководством И.А. Гладкова в 4-м томе «Истории социалистической экономики СССР», вышедшем в 1977 г., подчеркивал: одной из центральных задач плана капитальных работ во второй пятилетке, неразрывно связанной с завершением технической реконструкции народного хозяйства, было коренное улучшение размещения производительных сил. Эта проблема, утверждали историки, была разработана во втором пятилетнем плане в более широких масштабах, чем в плане первой пятилетки, поскольку в основу «социалистического» размещения производительных сил было положено их более равномерное распределение по всей стране; приближение промышленности к источникам сырья и энергии, к районам потребления; выдвижением задачи комплексного развития основных экономических районов» [История экономики 1978, с. 13–15].

Разработчики второго пятилетнего плана отмечали высокую степень *научности* документа на основании того, что в составлении плана развития районов СССР во второй пятилетке Госпланом СССР были использованы работы республиканских, краевых и областных плановых комиссий, материалы ведомств и научно-исследовательских учреждений. Помимо совместной разработки плана с представителями республик и областей Госпланом СССР было проведено семь конференций по рассмотрению перспектив развития отдельных групп районов, закончившихся Всесоюзной конференцией по размещению производительных сил, созванной с участием Академии наук СССР, народных комиссариатов и представителей республиканских, краевых и областных плановых комиссий, привлечших более 2 тыс. участников [Второй 1934, с. 5].

Второй пятилетний план на 1933–1937 гг. давал характеристику развития отдельных экономических районов и их роли в решении задачи завершения технической реконструкции народного хозяйства СССР. Однако акценты

планирования были существенно изменены: там, где авторы первого пятилетнего плана «претендовали лишь на краткую обобщенную характеристику сложных хозяйственных процессов» [Пятилетний план 1930, с. 6] и определенную самостоятельность действий руководства крупных экономических районов, Второй пятилетний план утверждал доминирование директивных методов управления. Система межотраслевых балансов должна была гарантированно обеспечить равномерное и целенаправленное пространственное размещение производительных сил [Второй 1934, с. 6].

В какой степени научность и комплексность подходов к созданию второго пятилетнего плана отразилась в реализации его установок, в том числе и в замыслов пространственного размещения промышленных предприятий? Этой проблеме и посвящена предлагаемая статья.

В первый год Второй пятилетки Советское руководство вступало с иным опытом управления экономикой, чем в конце 1920-х годов. Катастрофическое положение в экономике к осени 1932 г. было признано всеми членами Политбюро, включая Сталина, знавшими об истинном положении с производительностью труда и качеством продукции; о порче и омертвлении огромных ресурсов в незавершенных стройках и бесполезных импортных заказах [Хлевнюк 2010, с. 206, 217–218].

Изучение материалов Январского (1933) Пленума ЦК ВКП(б) свидетельствовало о том, что представители руководства СССР осознали пагубность курса «бешеных темпов». Экономическую науку удалось загнать в тиски пропагандистских клише, но при малейшей возможности, используя даже локальные статистические сведения, ученые разрушали сказочную картину «бескризисного» развития Советского государства.

Показательны в этом отношении резолюции первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР во второй пятилетке [Резолюции 1932]. Признание того, что «территория СССР к настоящему моменту еще очень слабо изучена в геологическом отношении», а «выявленные запасы лишены должного изучения химических и технологических свойств полезных ископаемых», фактически возвращало к необходимости использования индикативных показателей роста. В духе документов первого пятилетнего плана звучал призыв к развитию специализации и кооперирования в рамках экономических связей между предприятиями. Полигоном специализации и кооперирования должен был стать Урало-Кузбасский промышленный комбинат (УКК) [Резолюции 1932, с. 11, 23].

В докладе работника Госплана В.Ф. Васютина «Основные линии развития Урало-Кузбасса во втором», прочитанном на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, проходившей в Свердловске в апреле 1932 г., содержались научные подходы к пониманию задач планирования и реализации Урало-Кузбасского проекта. Урало-Кузбасс рассматри-

вался, прежде всего, как пример масштабного межрайонного комбинирования, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а в рамках единого хозяйственного комплекса [Васютин 1932, с. 8–9]. Судя по тому что доклад в переработанном и дополненном виде был издан отдельной брошюрой в Москве в том же 1932 г., его содержание было одобрено властными структурами, что отражало процесс определенного переосмысления руководителями СССР итогов первых лет пятилетки.

Эти идеи были дополнены и углублены в выступлении Г.И. Ломова, заместителя председателя Госплана СССР. По его мнению, основные силы в реализации Урало-Кузбасского проекта в годы второй пятилетки необходимо было направить на освоение уже созданных промышленных предприятий, на борьбу за качественные показатели и максимальное использование оборудования, отказавшись от увлечения «гигантизмом промышленных комбинатов» [Труды 1933, с. 12, 13].

Второй пятилетний план был нацелен на равномерное размещение промышленности по всей территории СССР, включая («в долговременной перспективе») «создание в каждом регионе СССР собственной металлургической базы» [Резолюции 1932, с. 24]. Резолюции отражали дифференцированный подход к развитию «старых» и новых промышленных регионов. Так, машиностроение «старых» районов – Москвы, Ленинграда, Харькова – нацеливалось на преимущественное развитие точного машиностроения и электротехники, станкостроения, авиационной техники и автомобилей, судостроения, производство контрольно-измерительных и оптико-механических приборов, в особенности, связанных с созданием новых производств, требующих наличия высококвалифицированных кадров и научно-исследовательских учреждений. Отдельно отмечалась необходимость ускоренного развития «ответственных видов машиностроения», т.е. оборонных предприятий [Резолюции 1932, с. 66, 69].

Иначе определялся вектор развития в Резолюциях машиностроения «новых» восточных районов: основное внимание уделялось становлению транспортного и электротехнического машиностроения. Наряду с этим «значительная часть машиностроения восточных районов, прежде всего Урало-Кузбасса, должна быть организована как сеть заводов по производству деталей, с последующей сборкой их в других районах СССР» [Резолюции 1932, с. 56]. Очевидная неравноценность поставленных задач затрудняла создание высокоразвитой промышленной базы на Востоке страны.

Судя по материалам второго пятилетнего плана, государственный курс на сдвиг промышленности на Восток должен был выполняться более полно, чем в первой пятилетке: так на развитие тяжелой промышленности Свердловской (вместе с Пермской) и Челябинской областей выделялось 17,6% капиталовложений (19,5% – вместе с Башкирией). Таким образом, доля индустриального Урала в плановом распределении капиталовложений в срав-

нении с периодом первой пятилетки (12,6%) *возрастала в 1,5 раза*, при сокращении аналогичных капиталовложений в промышленность Украины с 26,1% до 21,2%. Показательно и другое: расходы на развитие тяжелой промышленности Урала (19,5%) существенно (почти вдвое) превосходили расходы на весь народно-хозяйственный комплекс региона (11,3%) [Второй 1934, с. 260; Пятилетний, 1934, с. 554–555], усиливая тем несбалансированность экономики Урала.

За годы второй пятилетки практически вдвое (с 5,7% до 10,4%) возрастала доля капиталовложений в тяжелую промышленность Сибири и Дальнего Востока [Резолюции 1932, с. 56]. Всего же в районы Урала, Сибири, Дальневосточного края, Закавказья и Средней Азии в 1933–1937 гг. планировалось направить 40% общих капитальных вложений в народное хозяйство [История 1978, с. 14]. Особенность размещения производительных сил во второй пятилетке заключалась в постановке ряда крупных комплексных проблем, таких как развитие Урало-Кузбасского комбината, Освоение районов Севера, освоение Курской магнитной аномалии и др.

Это в принципе давало возможность обеспечивать более полную органическую увязку планов развития и размещения отраслей с комплексными планами.

Значительное внимание уделялось минимизации объемов незавершенного строительства: только в тяжелой промышленности к 1933 г. на долю «незавершенки» приходилось 8 млрд руб., или более трети вложенных средств (21,3 млрд руб.) [Князьков 1933, с. 51, 56–57]. При всех очевидных минусах командно-административной системы, задания второго пятилетнего плана позволяли осуществить определенный рывок в пространственном размещении промышленных предприятий за счет увеличения доли восточных районов в промышленном потенциале СССР. Например, удельный вес металлообрабатывающей продукции на заводах Урала (вместе с Башкирией) должен был вырасти с 4,5% в 1932 г. до 7,5 – в 1937. Однако размещение предприятий машиностроения и металлообработки все равно оставалось крайне неравномерным: в 1932 г. на долю Москвы и Ленинграда приходилось 52,7% всесоюзной продукции отрасли. Плановое сокращение этого показателя до 42,7% в 1937 г. могло только частично ослабить остроту ситуации [Второй 1934, с. 281].

На реализацию заданий второго пятилетнего плана значительное влияние оказали военно-мобилизационные программы. Начав разработку Второго пятилетнего плана, Госплан при подготовке программ размещения оборонного производства твердо намеревался не повторять прежних ошибок, прежде всего в планировании «без всякой перспективы, на основе ежегодно меняющихся заявок Военведа», как говорилось в докладе Госплана от 11 марта 1932 г.». [Соколов 2012, с. 262]. Однако речь шла не о *причинах срыва плановых*

заданий – мобилизационных программ первой пятилетки, выполненных только частично – не более чем на 50% в 1932 г. [Самуэльсон 2001, с. 199].

В тезисах доклада зампреда Госплана И.С. Уншлихта «Об итогах пятилетки по оборонной промышленности» указывалось, что главный недостаток военно-промышленного строительства заключался в том, что не удалось достигнуть необходимой милитаризации всей промышленности, а подготовка к обороне велась в основном по линии военных производств [Соколов 2012, с. 262]. «Исправляя недостатки», Госплан СССР, составляя мобилизационный план на вторую пятилетку, намечал *расширение военных участков в гражданской промышленности* [Соколов 2012, с. 283–284]. В соответствии с заданиями советского руководства планирование строительства машиностроительных заводов в районах Урала и Сибири *в обязательном порядке* включало в себя раздел «специального» (оборонного) производства. Проектные организации должны были увязывать свою работу с мобилизационными заданиями, нацеленными на «ассимиляцию» гражданского и военного производства. В качестве образца предлагался опыт Уралмашстроя, в проекте которого органически сочетались общая и «специальная» секретные части [Из аналитического 2008, с. 750–755].

Курс на «победу социализма во всем мире» привел к тому, что в руководстве СССР в 1930-е годы сложилась военная элита, выступавшая в качестве двигателя дальнейшей милитаризации народного хозяйства. В силу этого, невзирая на постоянный срыв плановых заданий по выпуску военной продукции, представители военного ведомства выдвигали все новые и более амбициозные программы, постоянно превышающие возможности бюджета [Кен 2002, с. 193]. Таким образом, реальное развитие производства и необходимость внесения корректив ставили под сомнение плановые показатели, а пятилетний план оборонного строительства казался излишним (!) в свете постоянно меняющейся международной ситуации [Соколов 2012, с. 285]. Результат был очевидным: план развития оборонного производства на 1933–1937 гг. так и не был принят [Самуэльсон 2001, с. 193].

О степени секретности пространственного размещения военного производства говорит и такой факт: вне обсуждения делегатов XVII съезда ВКП(б) (26 января – 10 февраля 1934 г.) остались вопросы модернизации оборонной промышленности, несмотря на наличие принятых в 1933 г. широкомасштабных программ перевооружения Красной Армии, носящих мобилизационный характер [Кен 2002, с. 262].

Отталкиваясь от просьб представителей военного ведомства, Политбюро ЦК ВКП(б) неоднократно принимало решения о расширении производственных мощностей заводов-гигантов как необходимого условия расширения выпуска продукции для нужд армии. Так, например, решением Политбюро от 29 августа 1933 г. № 144 было признано необходимым следующее развитие

мощностей автозаводов: Ярославского – на 50 тыс. штук (пятитонных и небольшое количество восьмитонных) машин в год; им. Сталина – на 80 тыс. машин в год, из них 10 тыс. – легковых. Предлагалось расширить ГАЗ им. Молотова до мощности в 300 тыс. машин, из них одна треть легковых лимузинов. Этим же решением предполагалось построить завод-гигант «Новый АМО» в районе Урала мощностью 200 тыс. машин в год [Протоколы]. (Однако вскоре правительство отказалось от этого решения по причине нехватки квалифицированных кадров.)

Аналогичное решение в декабре 1934 г. касалось и подготовки Челябинского тракторного завода к производству танков на случай войны. Администрация завода обязывалась организовать изучение чертежей производившегося в Ленинграде танка Т-29. Заводу рекомендовалось приступить к стандартизации изготовления узлов и деталей к тракторам и танкам на одноступенчатых станках и по одним чертежам. Однако задача параллельного производства тракторов и серийного выпуска танков оказалась невыполнимой для тракторостроителей вплоть до 1941 г. [Самуэльсон 2010, с. 129, 171]. Острейшей проблемой оставалась нехватка инженерно-технических кадров [Докладная 2011, с. 140–142]. Очевидно, что на пути запланированного советским руководством сдвига промышленности на Восток отчетливо встал «человеческий фактор».

Расширение производственных мощностей и усложнение номенклатуры выпускаемой продукции потребовало дополнительных компетенций от представителей директорского корпуса, руководителей трестов и главков, отсекая неспособных выполнять постоянно меняющиеся плановые задания [Фельдман 2021].

Новые индустриальные центры развивались в годы второй пятилетки более быстрыми темпами, чем «старые» промышленные районы. При росте продукции промышленности в центральных промышленных районах за четыре года (1932–1936) в 2,17 раза, промышленность Урало-Кузбасса, Восточной Сибири и Дальнего Востока выросла в 2,58 раза. Удельный вес Урало-Кузбасса, Восточной Сибири и Дальнего Востока во всей промышленной продукции СССР увеличился с 9,17% в 1932 г. до 11,37 – в 1936 [Итоги 1939, с. 44].

Однако в данном случае, принципиальное значение имеет сравнительный анализ характеристики отраслевой структуры «старых» и «новых» экономических районов. Рост промышленности в восточных районах в годы второй пятилетки был основан, в первую очередь, на развитии угольной и нефтяной промышленности, черной металлургии; а также электроэнергетической базы. Удельный вес восточных районов в добыче угля по союзу повысился с 24,4% в 1932 г. до 32,6 – в 1937, причем удельный вес Кузбасса (включая Хакасию) составил в 1937 г. 14,6%; Восточной Сибири и Дальнего Востока – соответственно 7,7% (по плану 7,5).

В 1937 г. районы Урало-Кузбасса (включая Казахскую ССР) дали 14,9% всей электроэнергии, вырабатываемой станциями Главэнерго, вместо 8,2% в 1932 г.; 28,3% чугуна вместо 24,4%; 74,4% всей меди вместо 57,7%. [Итоги 1939, с. 44].

Новые нефтяные районы (Башкирия, Казахстан, Среднеазиатские республики, Сахалин, Пермская, Куйбышевская области и Коми АССР) повысили свою долю в нефтедобыче СССР с 2,5% в 1932 г. до 9,1 – в 1937. Наибольший рост нефтедобычи дали освоенные во второй пятилетке новые нефтяные районы Башкирской АССР (10,5 тыс. т в 1932 г. и 983,6 тыс. т в 1937 г.), Казахской ССР (249 тыс. т и 493 тыс. т) [Итоги 1939, с. 45].

Созданная во втором пятилетии единая энергосистема Урала в 1937 дала 2260 млн кВт*ч против 517 млн кВт*ч в 1932 г. Удельный вес Урала в выработке электроэнергии составил в 1937 г. 11,9% против 7,3 – в 1932 [Итоги 1939, с. 45].

Вторая пятилетка принесла крупные успехи в решении важнейшей народнохозяйственной задачи развития черной металлургии на Востоке и в Центре СССР. Выплавка чугуна в восточных районах выросла в 2,73 раза, и удельный вес этих районов в общей выплавке по СССР повысился с 24,4% в 1932 г. до 28,3 – в 1937. Однако следует заметить, приведенные данные говорят, прежде всего, о динамике добывающих отраслей и металлургии.

Значительные сдвиги произошли в годы второй пятилетки в размещении машиностроения. Завершение строительства заводов-гигантов – Уралмаша, Уралвагонзавода, Челябинского тракторного, Пермского авиамоторного и др. – свидетельствовало о создании новой крупной машиностроительной базы на востоке страны. Впрочем не следует преувеличивать масштаб изменений: удельный вес продукции машиностроительных заводов Урала и Западной Сибири поднялся с 6,46% в 1932 г. до 8,44 – в 1936 [Итоги 1939, с. 45]. Производство наиболее сложных машин и аппаратуры гражданского и особенно военного назначения по-прежнему концентрировалось в столичных регионах и на крупных предприятиях Украины. Определенным исключением являлся Пермский авиамоторный завод, выстроенный по новейшим американским технологиям и производящий двигатели для советской истребительной авиации. На заводе был смонтирован один из первых в мире конвейер по сборке авиамоторов [Лейбович 2016, с. 71–72].

Анализ биографий директоров заводов тяжелой промышленности показывает, что предприятия «старых» промышленных регионов поставляли кадры для заводов на востоке страны.

Итоги второй пятилетки убедительно свидетельствуют о глубине отставания легкой промышленности зон Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Закавказья. Например, удельный вес восточных районов в выпуске хлопчатобумажных тканей был весьма невелик: 1,7% в 1932 г. и 3,9 –

в 1937 [Итоги 1939, с. 45]. Разрушение же традиционного ремесленного производства обернулось нехваткой самых необходимых тканей и одежды.

В целом на восточные районы СССР (включая Закавказье) приходилось 21,7% общесоюзного промышленного производства в 1937 г. и 22 – в 1940. [Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 132.] Для сравнения отметим, что незадолго до Первой мировой войны (в 1912 г.) на долю восточных районов приходилось 20,9% промышленного производства. Правда, к 1914 г. последний показатель наполнялся преимущественно сырьевой составляющей [Кафенгауз 1994, с. 280].

Столь разительные региональные отличия (даже среди ведущих промышленных центров) во многом объяснялись концентрацией в Московской и Ленинградской областях – до половины предприятий союзной военной промышленности, обладавших передовыми технологиями [Симонов 1996, с. 98]. Кроме того в столицах было расположено большинство высших учебных заведений, а также управленческих организаций.

Таким образом вывод о том, что за годы первых пятилеток удалось добиться «коренного изменения характера межрайонного разделения труда» оказывается весьма сомнительным [История 1978, с. 260]. Задача преодоления диспропорций в размещении отраслей тяжелой, легкой и пищевой промышленности, а также ликвидации одностороннего деления районов на производящие и потребляющие – оказалась намного трудней и сложнее, чем казалась управленцам и ученым 1930-х годов. Советская плановая экономика оказывалась подвластной как воздействию постоянно меняющихся военномобилизационных программ, так и постоянных пересмотров плановых заданий наркоматами [Маркевич 2004]. За центральными ведомствами оставалось решающее слово в решении судеб предприятий. Созданная в 1930-е годы, жесткая управленческая вертикаль, характерная для всех регионов СССР [Твердюкова 2010, с. 415], не оставляла места естественным местным экономическим связям.

Жестко централизованный, ведомственный характер управления экономикой, диктующий формирование хозяйственных связей Урала и Кузбасса по отраслевому признаку [Бакунин 1994, с. 53], привел к тому, что Урало-Кузбасс, запланированный как *система сложного межрайонного сотрудничества*, в реальной жизни функционировал в формате управляемого сверху обмена углем и рудой между Уралом и Кузнецким бассейном [Фельдман 2011].

Фактически сетка крупных экономических районов предназначалась только для первоначального предварительного планирования. В дальнейшем вступали в дело факторы операционно-тактического характера.

История не знает сослагательного наклонения. Но очевидно и другое: решения советского руководства второй половины 1930-х годов о создании авиационного завода налаживании, серийного производства танков на Урале,

строительства станкостроительных заводов, отложенные на «последующее время», могли облегчить задачи советского тыла в годы Великой Отечественной войны и уменьшить неравномерность в размещении производительных сил.

Библиография

- Бакланов Т.Я. Территориальное размещение промышленности и ее региональное развитие // Вестник Арго. 2012. № 1. С. 32–49.
- Бакунин А.В., Бедель А.Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 1994. 160 с.
- Васютин В.Ф. Основные линии развития Урало-Кузбасса во втором пятилетии: переработанный и дополненный доклад прочитанный на 1 всесоюзной конференции по размещению производительных сил. М.: Советская Азия, 1932. 71 с. (с приложением карты Урала, Сибири и Казахской АССР).
- Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937гг.) в двух т. Т. 1. М., 1934.
- Гладков И.А. Новый этап социалистического планирования // Плановое хозяйство. 1934. № 12. С. 180–188.
- Докладная записка начальника Сектора обороны Госплана СССР С.О. Ботнера руководству Госплана СССР об обеспеченности военной промышленности кадрами // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933–1937): Сб. мат. и док. М.: Новый хронограф, 2011. С. 140–142. (История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Т. 3. Ч. 2.).
- Из аналитического обзора Госплана СССР «Итоги оборонной подготовки промышленности в первой пятилетке» // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1932). М.: Новый хронограф, 2008. С. 735–755. (История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Т. 3. Ч. 1.)
- Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.; Л.: Госплан, 1933. 276, [3] с.
- Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.: Госпланиздат, 1939. 160 с.
- История социалистической экономики: В 7 т. М.: Наука, 1978. Т. 4: Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в России. 1933–1937 гг. 519 с.
- Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX – 30-е гг. XX в.). М.: Эпифания, 1994. 845, [1] с.
- Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). СПб.: Изд-во Европейск. ун-та, 2002. 472 с.
- Колосовский Н.Н. Проблема порайонной организации хозяйства // Плановое хозяйство. 1929. № 12. С. 20–31.
- Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузбасского комбината. М.; Л.: Соцэкономиздат, 1932. 136 с.
- Князьков Г. Капитальное строительство в тяжелой промышленности в годы Первой пятилетки // Плановое хозяйство. 1933. № 1–2. С. 50–61.
- Лейбович О.Л. Охота на красного директора. Пермь: Пермск. гос. ин-т культуры, 2016. 232 с.
- Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 20–54.

Протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) за 1933–1937 гг. // Проект «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/48744>.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. 3-е изд.: В 4 т. М.: Плановое хозяйство, 1930. Т. 3: Районный разрез плана. 1930. 606 с.

Резолюции Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР во второй пятилетке. 15–25 апреля 1932 г. М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. 125 с.

Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 294 с.

Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла. 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 372 с.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: РОССПЭН, 1996. 333 с.

Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 523, [3] с.

Твердюкова Е.Д. Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Центр и регионы в истории России. М.: Скифия-принт, 2010. С. 412–430. (Труды ист. ф-та Санкт-Петербургск. гос. ун-та.)

Труды Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. М.: Советская Азия, 1933. Т. 4: Урало-Кузнецкий комбинат. 323 с.

Фельдман М.А. Урало-Кузбасс: между замыслом и реализацией. Взгляд из другого века // Научный Вестник УРАГС. 2011. № 16. С. 217–222.

Фельдман М.А. Директора предприятий тяжелой промышленности 1930-х гг.: динамика социально-профессиональной группы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 113–124.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478, [1] с.

References

Baklanov T.Ya. Territorial'noe razmeshchenie promyshlennosti i ee regional'noe razvitiye [Territorial distribution of industry and its regional development] // Bulletin Argo. 2012. N 1. P. 32–49. (In Russ.)

Bakunin A.V., Bedel A.E. Ural'skiy promyshlennyj kompleks [Ural Industrial Complex]. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1994. 160 p. (In Russ.)

Dokladnaya zapiska nachal'nika Sektora oborony Gosplana SSSR S.O. Botnera rukovodstvu Gosplana SSSR ob obespechennosti voennoj pro-myshlennosti kadrami [Memorandum of the Chief of the Defense Sector of the State Planning Committee of the USSR S.O. Botner to the leadership of the State Planning Committee of the USSR on the provision of the military industry with personnel]. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933–1937) [Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933–1937)]: collection of documents and materials. Moscow: Novyi khronograf, 2011. P. 140–142. (Istoriia sozdaniia i razvitiia oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii i SSSR. 1900–1963 [The history of the creation and development of the military-industrial complex of Russia and the USSR. 1900–1963]. T. 3. Part 2). (In Russ.)

Feldman M.A. Uralo-Kuzbass: mezhdu zamyslom i realizaciej. Vzgljad iz drugogo veka [Ural-Kuzbass: between design and implementation. A look from another century] // Nauchnyj Vestnik URAGS [Scientific bulletin of the ural academy of state service]. 2011. N 16. P. 217–222. (In Russ.)

Feldman M.A. Directors of heavy industry enterprises of the 1930 s: dynamics of a socio-professional group // Sociological research. 2021. N 7. P. 113–124.

Gladkov I.A. Novyj etap socialisticheskogo planirovaniya [A new stage of socialist planning]. Planovoe khozyajstvo [Planned economy]. 1934. N 12. P. 180–188. (In Russ.)

Istoriya socialisticheskoy ekonomiki [The History of the Socialist Economy]: 7 vol. Moscow: Nauka, 1978. T. 4: Zavershenie sotsialisticheskogo preobrazovaniia ekonomiki. Pobeda sotsializma v Rossii. 1933–1937 gg. [Completion of the socialist transformation of the economy. The victory of socialism in Russia. 1933–1937]. 519 p. (In Russ.)

Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuz SSR [Results of the implementation of the first five-year plan for the development of the national economy of the USSR]. Moscow; Leningrad: Gosplan, 1933. 276, [3] p. (In Russ.)

Itogi vypolneniya vtorovogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuz SSR [Results of the implementation of the second five-year plan for the development of the national economy of the USSR]. Moscow: Gosplanizdat, 1939. 160 p. (In Russ.)

Iz analiticheskogo obzora Gosplana SSSR «Itogi oboronnoj podgotovki promyshlennosti v pervoj pyatiletke» [From the analytical review of the State Planning Committee of the USSR «Results of the defense preparation of industry in the first five-year period»]. Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1932) [Formation of the military-industrial complex of the USSR (1927–1932)]. Moscow: Novyi khronograf, 2008. P. 735–755. (Istoriia sozdaniia i razvitiia oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii i SSSR. 1900–1963 [The history of the creation and development of the military-industrial complex of Russia and the USSR. 1900–1963]. Vol. 3. Part 1). (In Russ.)

Kafenhauz L.B. Evolyuciya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX – 30-e gg. XX vv.) [The evolution of industrial production in Russia (the last third of the XIX – 30 s of the XX century)]. Moscow: Epifaniya, 1994. 845, [1] p. (In Russ.)

Ken O.N. Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konec 1920-h – seredina 1930-h gg.) [Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid 1930s)]. St. Petersburg: Publishing House of the European University, 2002. 472 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2010). Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury. [Host. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship] Moscow: ROSSPAN, 2010. 478, [1] p. (In Russ.)

Knyaz'kov G. (1933). Kapital'noe stroitel'stvo v tyazhelej promyshlennosti v gody Pervoj pyatiletki [Capital construction in heavy industry in the years of the First Five-year Plan]. Planovoe hozyajstvo. [Planned economy]. 1933. N 3. P. 53–90. (In Russ.)

Kolosovskij N.N. Problema porajonnoj organizacii hozyajstva [The problem of the district organization of the economy]. Planovoe hozyajstvo [Planned economy]. 1929. N 12. P. 20–31. (In Russ.)

Kolosovskij N.N. Budushchee Uralo-Kuzbasskogo kombinata [The future of the Ural-Kuzbass Plant]. Moscow; Leningrad: Soekonomizdat, 1932. 136 p. (In Russ.)

Leibovich O.L. Ohota na krasnogo direktora Perm': Permskij gos. in-t kul'tury [The Hunt for the Red Director Perm]. Perm: State Institute of Culture, 2016. 232 p. (In Russ.)

Markevich A.M. Byla li sovetskaya ekonomika planovoj? Planirovanie v narkomatah v 1930-e gg. [Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930.] Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik 2003 [Economic History: Yearbook 2003]. Moscow: ROSSPEN. P. 20–54. (In Russ.)

Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR [Five-year plan of national economic construction of the USSR]. 3 ed.: 4 vol. Moscow: Planovoe khoziaistvo, 1930. T. 3: Raionnyi razrez plana [Regional section of the plan]. 606 p. (In Russ.)

Rezolyucii Pervoj Vsesoyuznoj konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyh sil SSSR vo vtoroj pyatiletke [Resolutions of the First All-Union Conference on the Deployment of the Productive Forces of the USSR in the Second Five-year Plan]. Moscow; Leningrad: Gosekonomizdat, 1932. 125 p. (In Russ.)

Samuelson L (2001). Krasnyj koloss. Stanovlenie voenno-promyshlennogo kompleksa SSSR [Red colossus. Formation of the military-industrial complex of the USSR]. Moscow: AIRO-HKH, 2001. 294 p. (In Russ.)

Samuel'son L. (2010). Tankograd: sekrety russkogo tyła. 1917–1953. [Tankograd: secrets of the Russian rear. 1917–1953]. Moscow: ROSSPAN, 2010. 372 p. (In Russ.)

Simonov N.S. (1996). Voenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gg.: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizaciya proizvodstva i upravleniy. [The military-industrial complex of the USSR in the 1920 s – 1950 s: the pace of economic growth, structure, organization of production and management]. Moscow: ROSSPAN, 1996. 333 p. (In Russ.)

Sokolov A.K. Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 – iyun' 1941. [From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941]. Moscow: New chronograph, 2012. 523, [3] p. (In Russ.)

Trudy Vsesoyuznoj konferencii po razmeshheniju proizvoditel'nyh sil Sojuza SSR [Proceedings of the First All-Union Conference on the Allocation of Productive Forces of the USSR]. M.: Sovetskaja Azija, 1933. Vol. 4: Uralo-Kuzneckij kombinat [Ural-Kuznetsk Combine]. 323 p. (In Russ.)

Tverdyukova E.D. (2010). Prostranstvennoe razmeshchenie promyshlennosti i naseleniya v SSSR v 1930-e gg. [Spatial distribution of industry and population in the USSR in the 1930 s]. Centr i regiony v istorii Rossii [Center and regions in the history of Russia]. Moscow: Scythia-print, 2010. P. 412–430. (In Russ.)

The second five-year plan for the development of the national economy of the USSR (1933–1937) in two volumes, vol. 1. Moscow, 1934.

Vasyutin V.F. Uralo-Kuzbass vo vtorom pyatiletii. Osnovnye linii razvitiya (pererabotannyj i dopolnennyy doklad, pročitannyj na pervoj Vsesoyuznoj konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyh sil) [Ural-Kuzbass in the second five-year period. The main lines of development (revised and supplemented report read at the first All-Union Conference on the Allocation of Productive Forces)]. Moscow; Leningrad: Sovetskaja Azija, 1932. 71 p. (In Russ.)